

УДК 3.07

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru

Зиниша Ольга Станиславовна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры денежного обращения и кредита,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
zinisha@rambler.ru

Igor N. Ivanenko

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
ivanenko.igor@mail.ru

Olga S. Zinisha

PhD in Economic, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of money circulation and credit
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
zinisha@rambler.ru

Осмысление проблематики местного самоуправления на современном этапе

Understanding the issues of local self-government at the present stage

Аннотация. В статье анализируются концепции современных ученых, занимающихся исследованиями в области развития российского местного управления, работы которых удачно дополняют друг друга. Выявляются традиционных и инновационных элементов в этих концептуальных подходах. Склонный к государственническому подходу, Р. Туровский исходит из факта тесного взаимодействия государственных и местных структур, стремясь вывести отсюда некие универсальные принципы и механизмы, работающие на установление баланса между ними. Это вполне актуально в условиях глобализационных процессов, предполагающих единство, стандартизацию, универсализм. Другой автор, Ю. Плюснин делает методологическую ставку на локализм, обращая внимание на пространственные факторы, условия, связанные с ресурсной обеспеченностью, этническими и культурными особенностями местного населения. Это ставит его значительно ближе к общественной традиции изучения местного самоуправления, которая исходит из низовых основ образования институтов власти на ограниченной территории.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная и общественная теории, институты государственной власти, ресурсы местной власти, изолированность как фактор местного самоуправления.

Abstract. *The article analyzes the concepts of modern scientists engaged in researches in the development of Russian local government, whose works successfully complement each other. Traditional and innovative elements in these conceptual approaches are identified. R. Turovsky, who is inclined to a statist approach, proceeds from the fact of a close interaction between state and local structures, seeking some universal principles and mechanisms that work to establish a balance between them. This is quite relevant in the context of globalization processes involving unity, standardization, and universalism.*

Yu. Plyusnin, the other author, makes a methodological bet on localism, paying attention to spatial factors, conditions related to resource availability, ethnic and cultural characteristics of the local population. This puts it much closer to the public tradition of studying local self-government, which comes from the grass-roots foundations of the formation of government institutions in a limited territory.

Keywords: *local self-government, state and public theories, institutions of state power, resources of local government, isolation as a factor of local self-government.*

Местное самоуправление представляет собой одну из самых любопытных областей общественной жизни, проблематика которой сочетает социально-политическую, культурологическую и даже антропологическую составляющие. Местное самоуправление не без основания называют старейшим институтом демократии [1, с.117], поскольку управленческие структуры начинали формироваться именно снизу, вызывая справедливые ассоциации с народовластием. В то же время, современные внутриполитические процессы во многих странах дополнительно актуализируют проблематику низовых институтов управления, что отражается в довольно расхожем тезисе о передаче части государственных функций на региональный и местный уровни. Тем не менее, несмотря на наличие общих трендов, никуда не девается фактор национальной специфики, не только проявляющийся практически, но и накладывающий отпечаток на теоретические построения. Все эти моменты проявляются в отечественной действительности.

Объектом нашего внимания явились концепции современных ученых, занимающихся исследованиями в области развития российского местного управления, а целью данной статьи выступает выявление традиционных и инновационных элементов в этих концептуальных подходах. Другими словами, мы уточняем нынешний общий вектор теоретических поисков по поводу указанной проблематики.

В рамках данной цели предполагается:

во-первых, уточнение сложившихся концептуальных основ теории местного самоуправления, составляющих определенную традицию в общественном сознании;

во-вторых, анализ работ двух современных российских ученых Р. Туровского и Ю. Плюснина, которые в содержательном плане удачно дополняют друг друга.

В ходе сопоставления рассуждений упомянутых исследователей будет выявлено некое общее направление научного поиска обозначенной проблематики.

Несмотря на то, что проблематика местного самоуправления заявила о себе как минимум, начиная с XVI в., ее теоретическое осмысление обозначилось лишь в XIX столетии в рамках генезиса обществоведческих научных дисциплин. В сущности, стержневым вопросом выступало определение места институтов местного самоуправления в национальной политической системе.

Принято различать *государственную* теорию и *общественную* теорию. В первом случае на передний план выдвигается именно фактор государственной субъектности, делая местное самоуправление сугубо подчиненным элементом административной системы, тогда как во втором случае в приоритете оказывается «низовая» общественная субъектность, предполагающая гораздо большую автономию от вышестоящих структур.

На приверженность тому или иному подходу существенное влияние, кроме всего прочего, оказывали идеологические факторы, во многом предопределяющие субъективные предпочтения конкретного мыслителя – склонность разделять принципы либерального, консервативного или даже революционного мышления; духовная идентификация с западничеством, славянофильством или народничеством. Немалую роль могли сыграть классовые аспекты сознания, о чем свидетельствует, например, теория «муниципального социализма». В то же время, любая концепция закономерно отражала специфику национальной ситуации. Например, отечественная общественная мысль по вопросам местного самоуправления испытывала воздействия «Великих реформ» 1861-1865 гг., а германские изыскания формировались во многом из духа противоречия идеям французской революции. [3, с. 89]

Главный упор сторонники государственного подхода – Г. Еллинек, Р. Гнейст, Л. Штайн, В.П. Безобразов, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский делали на политические аспекты местного самоуправления. Последнее понималось как часть государственного администрирования, но осуществляемое не правительственными чиновниками, а местными жителями, понимающими проблематику на местах «изнутри». При этом, несомненно, германские исследователи находились под влиянием бюрократического служилого духа, унаследованного от прусской государственности, в то время как российские государственники-правоведы исходили, главным образом, из приоритета самодержавия. По мысли А. Градовского, «...все, действующее мимо царя или против него, всегда будет подозрительно в глазах народа, и он всегда готов обрушиться на своевольных реформаторов». [5, с.358] Настаивая на примате государства над обществом, сторонники государственного подхода видели здесь залог общенациональной политической устойчивости.

Во многом оппонировали государственным приверженцы общественной теории. А. Васильчиков, В. Лешков достаточно жестко противопоставляли порядок самоуправления местных институтов бюрократическому управленческому принципу, сложившемуся в ходе развития государства. При этом именно этот подход преодолевал политико-правовые рамки, волей-неволей устанавливаемые государstвенниками, затрагивая культурно-традиционные и ментальные особенности. Так, теоретик и практик князь А. Васильчиков, сравнивая Россию с западными странами, усматривал присущую первой традиционный приоритет поземельного начала над личностным. И это есть «главное явление русской общественной жизни, имевшее роковое влияние на все ее развитие». Право на землю в России понимается как естественное право человека. [2, с. 61; 67] Отражением и реализацией ментальной укорененности земельного уравнивания выступает структура сельской общины – ведущего социального организма российского крестьянства, имеющего принципиальные отличия от других национальных общин.

Несмотря на времена жесткое оппонирование представителей этих двух подходов, в их отношении вполне закономерен методологический синтез, дающий возможность вычленить ряд важных моментов.

С одной стороны, уровень государственного развития действительно предопределяет сложность попыток отделения задач и интересов местного самоуправления от влияния мощной административной машины, нацеленной на общественные потребности, в целом. То есть, здесь фактором выступает стадия политогенеза, развития как государственных, так и других политических институтов в целом. С другой стороны, уже государstвенниками отмечается необходимость учета национальных особенностей, акцентируя внимание на политической культуре. Данное методологическое обстоятельство значительно углубили в своих работах сторонники общественного подхода, указывая на весомость таких факторов, как географические условия, уровень индустриального развития, наконец, исторически сложившиеся низовые социальные структуры и ментальная составляющая. В целом, не удивительно, что именно общественники больше концентрируют внимание на самообразовывающихся снизу управленческих институтах.

В современных подходах традиции, заложенные этими двумя теоретико-методологическими направлениями, сохраняются, но, правда, в существенно модернизированном виде.

Ростислав Туровский стремится исходить из современных территориально-политических реалий, констатируя здесь существование многоуровневой системы, структура которой обусловлена размерами и внутренней дифференциацией государства. С его точки зрения, целесообразно выделить региональный, субрегиональный и локальный уровни, но их количество в том или ином государстве может быть на одну единицу больше или меньше. [7, с.73-74] Преодолевая противоречие между естественностью и искусственностью муниципальных образований, этот

автор предлагает исходить из критериев компактности – наличия конкретного сообщества с развитыми горизонтальными соседскими связями. Причем, характеристики подобных организаций, главным образом, им определяются по линии «центр-периферия». К центрам относятся крупные города, обладающие значительной ресурсной базой, в купе с необходимой компактностью, что позволяет им свободно получать статус автономных образований. К периферии же относятся, разбросанные по конкретному территориальному пространству мелкие поселения, каждое из которых наделено определенными ресурсами и проживающим населением. В силу этого, названный ученый справедливо констатирует естественную асимметрию, наличие многочисленных и масштабных социально-экономических, а также историко-культурных различий между местными сообществами[7, с.76].

По Р. Туровскому генезис местного самоуправления и развитие его субъектности на современном этапе неизбежно происходят в рамках государственно-властных отношений. Отсюда, проблема, разделяющая «государственников» и «общественников», однозначно им решается в пользу первых. Общественная теория явно устарела, а этатизму нет внятной альтернативы, что неизбежно превращает местное самоуправление в подсистему государственного управления. «От государства может быть отделена не местная власть, а совокупность местных интересов, которые затем пытаются реализоваться через органы самоуправления»[7, с.70]. Кроме того, на практике структуры местного самоуправления испытывают ресурсный дефицит того или иного рода, что во многом предопределяет их слабость и зависимость от более высших этажей политической власти. [7, с. 74] Отсюда следует вывод о том, что противопоставлять государственную власть и местное самоуправление попросту нелепо. В то же время, Р. Туровский признает, что наличие местного самоуправления выступает признаком демократического государства, а его востребованность зависит от уровня развития гражданского общества, поскольку именно не опосредованные государством горизонтальные отношения и связи формируют местные интересы и определяют возможность их дальнейшей артикуляции.

Названный ученый указывает на две главные причины потребности в самоуправлении на местах. Во-первых, на некоторое несоответствие специфических местных интересов общенациональным, за чем следует потребность их реализации местными силами. Во-вторых, на эффективную дифференциацию публичной власти, в результате чего возникает распределение функций (полномочий) между территориальными уровнями власти.

Р. Туровский упоминает весьма важный факт: для формирования полноценной местной управленческой институциональной структуры недостаточно самоорганизации территориального сообщества. Кроме того, необходимы универсальные политические институты самоуправления, которые обычно навязываются государством, заинтересованным в

упорядочении, стандартизации управленческой структуры на местах. Как правило, «территориальный формат местного самоуправления возникает в процессе не добровольного объединения местных сообществ, а административно-территориального деления, проводимого сверху - с учетом реальной ситуации на местах... Распространены случаи, когда местное самоуправление создается и предлагается обществу государством как цельный политический проект в процессе децентрализации». По мнению ученого, это вполне нормальная форма диалога между государственной властью и местными сообществами, позволяющая создать вполне жизнеспособные органы и территориальные ячейки местного самоуправления.[7, с.71]

Современная действительность выдвигает весьма жесткие требования, которые трудно обойти даже самым низовым управленческим структурам на местах. Прямая демократия, предполагающая взаимное сближение местной власти и жителей конкретных поселений посредством выборности вторыми первой, в настоящий момент все более уходит в прошлое. Усложняющиеся общественные отношения предопределяют усложнение управленческих органов, для работы в которых требуются, прежде всего, профессионалы. Р. Туровский в связи с этим, констатирует неизбежность бюрократизации местных управленческих структур, а также, закономерность разделения муниципальной власти. Таким образом, происходит нечто вроде перехода от прямой демократии к найму населением муниципальных менеджеров. Неотъемлемым качеством депутата местного совета, а тем более – мэра, на сегодняшний момент является профессионализм. «Правила игры повсеместно предполагают, что профессиональный мэр, наилучшим образом соответствующий интересам большинства граждан, подбирает профессиональную команду для решения местных социально-экономических проблем... Тогда самоуправление может пониматься как выборы профессиональных политиков и чиновников, наилучшим образом способных (по мнению ситуативно сложившегося большинства) реализовать местные интересы». [7, с.72]

Подытоживая концепцию Р. Туровского, отметим следующие важные для нашего исследования моменты.

Во-первых, некоторая имманентная стихийность местного самоуправления, ведущего происхождение от «низовых» импульсов социума, сменяется рационализацией, сопровождающейся регуляцией посредством неких универсальных общераспространенных форм. Прямая демократия избрания лучших людей из местного сообщества теперь сменяется куда более ограниченным выбором из круга кандидатов - профессионалов, скорее всего, негласно одобренных властями вышестоящего уровня.

Во-вторых, субъектность местной власти фактически целиком и полностью определяется государственными структурами, во многом волюнтаристски формирующими пространство властно-подчиненных отношений. Тем самым, Р. Туровский явно или неявно отталкивается от понимания современного государства как органической формы политической

организации, вне которой общество не может существовать в принципе. По сути, его подход концептуально вписывается в общую теорию генезиса и развития государства как социального института[4].

Р. Туровский, делая упор на политические аспекты проблематики местного самоуправления, также упоминает о наличии политико-географических и социокультурных факторов, во многом предопределяющих специфику местных сообществ. Однако более углубленно в эту проблематику погружается Юрий Плюснин, который выявляет зависимость уровня развития местного самоуправления от того или иного вида изоляции. Как показывает практика, более автономными в своих решениях оказываются те сообщества, которые, находясь где-нибудь в глубинке, не испытывают пристального внимания со стороны органов региональной государственной власти. Напротив, муниципалитеты, которые глубже интегрированы в региональные административные и социально-экономические процессы, будучи расположенными вблизи региональных центров (или крупных городов), куда более зависимы от органов вышестоящей власти в собственной управленческой деятельности. Отсюда следует, чем выше подобная изоляция местного общества, тем выше уровень развития местного самоуправления, и наоборот. [6, с.39]

Как указывает Ю. Плюснин, чаще всего, приходится иметь дело с пространственной или территориальной изоляцией, когда местное сообщество не только имеет значительную удаленность от центров, но и ограниченные коммуникационные средства, прежде всего, транспортные. Помимо пространственной встречается также популяционная (социальная) изоляция, когда даже соседствующие сообщества создают между собой изоляционные барьеры. Последние могут носить конфессиональный, языковой (немецкий район в Алтайском крае), а то и профессиональный характер, когда местные социумы имеют сильно различающуюся хозяйственную специфику («наукограды»). Также, может иметь место ресурсная изоляция, обычно сопровождающаяся упомянутыми профессиональными рамками. Располагающие существенно большими (меньшими) или специфическими ресурсами, муниципалитеты стремятся различными способами изолироваться от соседей. Зачастую, уникальность ресурсов предполагает характерные особенности организации управления данного муниципалитета, выстраивание особых отношений с региональным центром. Таков характер имеют, так называемые, ЗАТО (Закрытые административно-территориальные образования). В то же время, сильный дефицит ресурсов приводит местное сообщество к состоянию «выморочности», что влечет за собой особые тактики и стратегии его выживания в ситуации «государственной покинутости». [6, с.39-40] Разумеется, на практике все три вида изоляции могут сочетаться, и в этом случае изоляция принимает выразительный характер, способствуя уникальности истории местного сообщества.

Ю. Плюснин выделяет пять ключевых факторов развития социально-территориальных образований, объединяя их в три группы: натуральные факторы; ресурсные факторы; управленческие факторы.

Натуральные факторы включают пространство (территорию) и население. Территория предполагает участок земли, контролируемый местным сообществом, который достаточен для обеспечения его базовых аспектов жизнедеятельности. Важнейшим условием здесь выступает «соответствие ландшафта и воспроизводимых ресурсов основным видам хозяйственной деятельности людей», а также, соответствие территориальных размеров хозяйственным популяционным и эстетическим требованиям жителей. Подобная территория, зачастую, обладает естественными границами не только с позиции ресурсной и экологической целесообразности, но и как исторически закрепленная за конкретным местным сообществом. Как правило, такие территории характеризует стабильность и долговременность, а собственно административно-территориальное деление лишь утверждает границы, сложившиеся исторически. Как пишет указанный автор, историческая и, особенно, этническая определенность территории местного общества оказываются очень важными факторами изоляции и, одновременно, факторами, способствующими развитию местного самоуправления.[6, с.42]

Однако территория может и не иметь как определенных границ, так и собственных достаточных ресурсов, что, обычно, присуще средним и крупным городам. В этих случаях территория не может выступать фактором самоорганизации населения, и данное обстоятельство ограничивает развитие самоуправления. В этом случае возрастает необходимость внешнего управляющего воздействия. По сути дела, расцвет местного сообщества происходит на базе территории, зачастую исторически сложившейся, но самое главное – обладающей достаточными ресурсами для жизнедеятельности воспроизводства и развития. Обычно, это характеризует сельские районы, в значительной степени, пространственно изолированные.

Следующий определяемый Ю. Плюсниним фактор: население должно представлять собой местное сообщество, обладающее критериями естественной социальной организации или, в теннисовском понимании, родовыми признаками общины. Подобная естественность задается отношениями родства, свойства (брачные отношения, кумовство), а также, высоким уровнем местной солидарности. Последнее предполагает альтруизм, nepотизм (в положительном смысле), склонность к взаимовыручке и кооперации. Подобные признаки «общинности» названный ученый считает по определению изолирующими факторами.[6, с. 45] В то же время, высокий уровень солидарности местного общества, т.е., степень его родственных и соседских взаимосвязей, предполагает особое отношение общества к местной власти. Данный автор упоминает наличие в социальном сознании фигур «начальника» и «хозяина» в 1990-е гг., слившиеся в 2000-е в одну группу, не лишенную легитимации. Благодаря местной солидарности, «хозяева» и

«начальники» сформировали корпус муниципальных руководителей, в настоящий момент довольно устойчивый.[6, с.45]

Ресурсные факторы весьма разнообразны, и Ю. Плюснин отмечает два из них особо значительных. Во-первых, это местные природные ресурсы, которые непосредственно определяют хозяйственную деятельность, а также экономическую активность. Во-вторых, это внешнее финансирование, направленное на обеспечение хозяйственной деятельности муниципалитета, а также - на социальные нужды населения. Здесь упомянутый ученый склонен утверждать определенную неоднозначность. Так, местные природные ресурсы играют роль катализаторов для самоуправления только в случае их использования для публичных нужд, следовательно, когда имеет место, хотя бы, элементарное развитие общественной активности. Нехватка ресурсов также может иметь стимулирующее значение для изоляции, а, следовательно, и для развития самоуправления. Подобная ситуация побуждает местное сообщество либо к поиску иных источников, либо к самоорганизации для защиты утрачиваемых ресурсов. Внешние финансовые ресурсы, Ю. Плюснин склонен рассматривать в качестве отрицательного фактора, который направлен не столько на развитие самоуправления, сколько на его ограничение. Обычно, финансово поддерживаются муниципалитеты крупных городов, где «самоорганизация на низовом уровне не поднимается выше территориального общественного самоуправления». Внешние ресурсы, как полагает ученый, выполняют контролирующую роль, по сути, сдерживая развитие местных управленческих инициатив.[6, с.45-46]

Кадровые ресурсы фактически обеспечивают качественную составляющую работы местного самоуправления. Отсюда следует актуализация проблемы воспроизводства и повышения квалификации кадрового состава местных управленческих структур. По мнению Ю. Плюснина, здесь решающими условиями выступают профессионализм и отсутствие корыстных интересов, другими словами, речь идет о социально – психологическом и морально-этическом облике местного руководителя и когорты исполнителей. Только при наличии высокого профессионализма и соответствующих нравственных качеств местное самоуправление имеет шансы успешно развиваться в условиях изоляции. При отсутствии первого и наличии второго местное сообщество не будет примером высокого уровня самоорганизации и самоуправления.

Кроме того, Ю. Плюснин настаивает на весьма неоднозначной и своеобразной для России роли государственной политики в развитии местного самоуправления. Так, в Европейских странах самоуправление инициировалось фактически «сверху» - начатое с 1970-х годов делегирование государством своих функций на местный уровень подкреплялось обеспеченностью ресурсами. В России же наблюдается обратная ситуация – зависимость от государственного распределения большей части регионов и местных сообществ побуждает их жестко конкурировать друг с другом за получение государственной поддержки, что

ведет к «самоизоляции», взаимному обособлению друг от друга. При этом самоизоляция проявлялась тем сильнее, чем меньше ресурсов концентрировал муниципалитет. Государство же, со своей стороны, распределяя ресурсы, стремится жестко контролировать их потребление, в то время как конечный потребитель – местное сообщество заинтересовано в минимальном контроле. Минимум получаемых ресурсов предполагает, соответственно, и минимальный контроль, что в условиях качества управленческих кадров и пространственной изоляции благоприятствует быстрому развитию местного самоуправления.

Тем самым, Ю. Плюснин констатирует серьезное внутривластное противоречие, существующее между сохраняющим ресурсно-распределительный характер государством и развитием самоуправления на местах.[6, с.49] Этот автор выводит прямо пропорциональную зависимость между степенью изоляции и уровнем развития местной власти. Это не всегда справедливо по отношению к обширным отечественным вариациям, однако, это наводит на мысль об учете именно местных особенностей и ситуации.

Сопоставляя концепции Р. Туровского и Ю. Плюснина, мы считаем нужным отметить следующее.

Во-первых, стержневым вопросом обоих рассмотренных авторов продолжает оставаться аспект отношений местного самоуправления с государственной властью. Здесь нам видится сфера непростых и часто несимметричных взаимодействий между низовыми инициативами и практиками, а также, исторически сложившейся масштабной и сложной административной системой со своими национальными особенностями.

Во-вторых, между позициями этих исследователей имеются принципиальные методологические различия. Первый автор исходит из факта тесного взаимодействия государственных и местных структур, стремясь вывести отсюда некие универсальные принципы и механизмы, работающие на установление баланса между ними. По сути, Р. Туровский склонен видеть обобщенную картину основ и закономерностей политического процесса «сверху–дону», что вполне актуально в условиях глобализационных процессов, предполагающих универсализм. А вот Ю. Плюснин методологически исходит из тех или иных локальных особенностей. Он делает ставку на пространственные факторы, условия, связанные с ресурсной обеспеченностью, этническими и культурными особенностями местного населения. Главный тезис Ю. Плюснина об изолированности как факторе, способствующем развитию местного самоуправления, сам по себе уже несет отпечаток локальности, поскольку работает далеко не во всех отечественных регионах и территориях. Но именно это побуждает обращать внимание на конкретику определенной территории, внимательнее изучать комплекс условий, отражающихся на развитии местного самоуправления.

Литература

1. Баранов Н.И. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т., 2008 – 208 с.
2. Васильчиков А. Русское самоуправление /А.Васильчиков - М.: Институт русской цивилизации, 2013 – 960 с.
3. Выдрин И.В. Местное самоуправление в трудах русских ученых-юристов дореволюционной поры // Муниципалитет: экономика и управление. - 2017 - С. 86-93.
4. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: политический срез исторического процесса / Л. Е. Гринин. – М., 2009.– 264 с.
5. Корнаухова Н.В. Государственная теория местного самоуправления А.Градовского // Вестник ТГУ, выпуск 8 (76), 2009 – С. 357-361.
6. Плюснин Ю.М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. №3 – С. 38-50.
7. Туровский Р.Ф. Местное самоуправление: к организации эффективной власти // Общественные науки и современность, 2005, №6 – С. 68-79.

References

1. Baranov N.I. Modern democracy: evolution approach. SPb: Baltic State Technological University, 2008 – 208 p.
2. Vasilchikov A. Russian self-government /A.Vasilchikov - M.: Institute of Russian civilization, 2013 – 960 p.
3. Vydrin I.V. Local self-government in works of Russian scientists-lawyers of pre-revolution time // Municipality: economics and management. - 2017 - P. 86-93.
4. Grinin L.E. State and historical process: political slice of historical process / L. E. Grinin. – M., 2009.– 264 p.
5. Kornauhova N.V. State theory of local self-government of A.Gradovsky // Proceedings of TSU, issue 8 (76), 2009 – P. 357-361.
6. Plyusnin Yu.M. Factors of development of local self-government. Assessment of isolation and isolationism values // Problems of state and municipal management. 2008. №3 – P. 38-50.
7. Turovsky R.F. Local self-government: to organization of effective power // Public science and modernity, 2005, №6 – P. 68-79.